

УДК 94(478)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/15

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ БУДЖАКА (ИЗ МИКРОИСТОРИИ БЫВШЕЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ)

Н.Д. Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

В статье на примере бывшей болгарской колонии Шикирли-Китай (теперь Суворово), находившейся у дунайской границы Российской империи, показано, как в ходе Первой мировой войны изменялись социально-экономическое положение населения края, а также умонастроения людей. Массовая мобилизация переложила основную часть тяжелой крестьянской работы на плечи женщин и способствовала их эмансипации. Неудачи на фронте в значительной мере революционизировали солдат. В условиях развала армии, нехватки продовольствия и общественных беспорядков в 1917 г. хаос охватил всю Россию. В Шикирли-Китае гнев бедноты, возглавляемой фронтовиками, был направлен против представителей местной власти и священника. Подобные «революции» имели место во всем Буджаке, где не было крупных земельных собственников. Опыленные свободой собственных преобразований сельчане были огорошены, когда Бессарабия в считанные недели оказалась под властью Румынии.

Ключевые слова: Россия, Румыния, Суворово, Шикирли-Китай, война, солдаты, мобилизация, тяжелое положение, потери на фронте, раненые, пропавшие без вести, попавшие в плен, революция, бедняки, примар, гонения на священников.

WWI AND THE VILLAGERS OF BUDJAK (THE EXPERIENCE OF MICRO-HISTORY)

N.D. Russev

Tsamblak State University of Taraclia
9 Pacii Street, Taraclia, 7400, Moldova
E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

In the article the former Bulgarian colony Shikirli Kitai (now Suvorovo) located on the Danubian border of the Russian Empire is used as an example to show how the socio-economic position and mentality of the local population changed during WWI. The massive mobilization shifted the most of the peasant's toil on women, which promoted their emancipation. Military failures largely revolutionized the soldiers to some. The collapse of the army, lack of goods and social disorders triggered chaos in Russia in 1917. In Shikirli-Kitai the anger of the poor led by the soldiers returning from the front was directed against the local authorities and the priest. Such "revolts" took place around Budjak, as there were no large landowners. Intoxicated by the freedom of their own reforms, the villagers were taken aback when Bessarabia came under Romanian rule in a matter of weeks.

Keywords: Russia, Romania, Suvorovo, Shikirli-Kitai, war, soldiers, mobilization, difficult circumstances, casualties, wounded, missing in action, captivity, revolution, the poor, Primar, suppression of priests.

Суровые будни Первой мировой войны, наложившие свое огненное тавро на судьбы миллионов людей, отражены на Западе в замечательных произведениях широко известных писателей так называемого «потерянного поколения». Специфика советской литературы (художественной и научной) состоит не только в ее подчеркнутой партийности, но и в стремлении вымарать из памяти людей действительные события нескольких лет, которые рассматривались исключительно как внутриутробный период вынашиваемой Россией долгожданной революции 1917 г. Свидетельства живых современников и особенно участников событий военных лет изолировали от общественной жизни и тем более письменной истории. Когда же, наконец, тему объявили актуальной, оказалось, что безвозвратно утраченная информация с трудом поддается учету.

* * *

Великая война, начавшаяся для России в августе 1914 г., казалось бы, складывалась для империи Романовых успешно. За несколько недель русские войска нанесли ряд поражений Австро-Венгрии, заставив ее покинуть Восточную Галицию и часть Буковины. Наступление Германии на Варшаву было остановлено. В стране царили урапатриотические настроения с верой в скорый разгром «проклятых тевтонцев». С вокзалов больших городов под бравурные мелодии духовых оркестров на фронт уходили эшелоны. Проводы часто сопровождались торжественными ритуалами с участием начальства, священников, фотографов и исполнением марша «Прощание славянки».

Между тем повседневность Бессарабской губернии, северные окраины которой граничили с районами боевых действий, была прямо сориентирована на нужды фронта. Это потребовало особого напряжения сельского населения ближнего тыла – на его плечи легла тяжесть снабжения армии продовольствием, фуражом и пополнения армейских рядов солдатами. Ежегодно в крае призывали военнообязанных, достигших 21 года; было проведено восемь мобилизаций запасников – «ратников», в том числе участников Русско-японской войны. Неоднократно государство проводило реквизиции коней и скота. Это в полной мере касалось и болгарских сел Буджака, где под ружьем оказались представители практически каждой семьи, иногда и по 2–3 человека. Известно, например, что из Задунаевки Арцизского района на фронте воевали 210 жителей и 63 из них погибли (Думиника, Червенков 2013: 144).

В предлагаемой на суд читателей статье речь идет о событиях 1914–1917 гг. в болгарском селении Шикирли-Китай, расположенном на левобережье дунайской дельты. Село на окраине Российской империи создали в 1815 г. «задунайские переселенцы», получившие в конце 1819 г. статус колонистов. После Крымской войны Шикирли-Китай вошел в состав Молдавского княжества, а затем Румынии. С 1878 г. бывшие болгарские колонии Придунавья были возвращены России, в границах которой пребывали вплоть до 1918 г. Затем, как и вся Бессарабия, село оказалось под властью Румынского королевства. В 1940–1941 и 1944–1991 гг. населенный пункт, переименованный в Суворово, входил в состав СССР, а с развалом Союза – в Измаильский район Одесской области Украины.

К сожалению, воспоминаний о Первой мировой войне и ее участниках в Суворово почти не осталось. Даже дети тех, кто тогда воевал, ушли из жизни. Отрывочные свидетельства и впечатления детства у меня как уроженца Суворово в единую картину никак не складывались. Вспоминал отдельных стариков, в том числе инвалидов, кото-

рых дед называл участниками «государственной войны», какие-то малосущественные рассказы... Правда, сохранилось значительное количество фотографий шикирлийцев – солдат 1914–1917 гг., но и эти важные документы чаще всего немые... Надписи на снимках встречаются редко и обычно не несут исторически значимой информации, а родственники запечатленных на них людей, увы, мало что могут рассказать.

Изучение вопроса об участии бессарабских болгар в Первой мировой войне находится в начальной стадии, поскольку в советскую эпоху с легкой руки В.И. Ульянова-Ленина она была объявлена не только «империалистической», но и «позорной». О ее героях почти не писали. Делалось все, чтобы война, которую в царской России называли Второй Отечественной (после войны 1812 г.), навсегда стала «забытой войной» (Волков 2004).

Только в связи с отмечаемым во всем мире 100-летием войны российская организация «Союз возрождения родословных традиций» осуществила интернет-проект под названием «Первая мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов» (ПМВ 2014). Кропотливым трудом добровольцев была создана и выложена в свободном доступе солидная база данных, включающая более миллиона имен участников той войны.

В этих списках удалось отыскать имена нескольких десятков шикирлийцев. Трудности состояли в том, что многие болгарские фамилии записаны в искаженном виде: Бычев вместо «Бичев», Далахов и Далеков вместо «Далаков», Рожков вместо «Рашков» и т. д. Некоторые люди (24 человека) отнесены к жителям Шикирли-Китая, хотя на самом деле таковыми не являлись. Это, по всей видимости, были выходцы из соседних украинских и молдавских сел, на что указывают их «нешикирлийские» фамилии: Алексеенко, Коваленко, Панко, Перчун, Халупа, Бацу, Кауафет, Кочубаш, Руфа, Чериш...

В базе данных указаны не все участники войны, а только четыре категории: убитые, раненые, взятые в плен и пропавшие без вести. Кроме места жительства до мобилизации, указывались следующие личные данные бойцов: фамилия, имя, отчество, семейное положение, звание, дата события (например, ранения). Даты рождения отсутствуют. Предварительно мне удалось установить имена 45 шикирлийцев (ПМВ 2014).

Раненые (20 чел.):

1. Бичев Федор Николаевич, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
2. Далаков Михаил Федорович, женат, ефр., 12 октября 1914 г.
3. Далаков Николай Данилович, женат, ряд., 3 октября 1914 г.

4. Далаков Афанасий Данилович, женат, ряд., 24 апреля 1915 г.
5. Драганов Павел Васильевич, женат, ряд., 7 октября 1914 г.
6. Иликчиев Иван Дмитриевич, женат, ряд., 11 октября 1914 г.
7. Иликчиев Григорий Иванович, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
8. Киров Василий Степанович, женат, ополч., 9 марта 1915 г.
9. Калоянов Илья Дмитриевич, женат, ряд., 24 апреля 1915 г.
10. Лазарев Иван Васильевич, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
11. Маламен Григорий Дмитриевич, женат, ряд., 4 февраля 1915 г.
12. Ненов Ананий Николаевич, женат, ряд., 13–15 января 1915 г.
13. Петров Демьян Иванович, женат, ряд., 12 октября 1914 г.
14. Рашков Степан Николаевич, женат, ряд., 18 октября 1914 г.
15. Русев Иван Николаевич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
16. Смоков Георгий Гавриилович, женат, ряд., 26 апреля 1915 г.
17. Смоков Михаил Михайлович, женат, ст. у.-о., 28 ноября 1914 г.
18. Смоков Савелий Матвеевич, женат, ефр., 12 октября 1914 г.
19. Степанов Григорий Степанович, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
20. Чебан Иван Лазаревич, женат, ряд., 2 мая 1915 г.

Пропавшие без вести (16 чел.):

1. Балабан Дмитрий Филиппович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
2. Балабан Михаил Демьянович, женат, ряд., 28 ноября 1914 г.
3. Балабан Семен Федорович, женат, ряд., 6 мая 1915 г.
4. Барков Марк Стефанович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
5. Драганов Иван Константинович, холост, ряд., 28 ноября 1914 г.
6. Иликчиев Николай Федорович, холост, бомб., 11 февраля 1915 г.
7. Киров Николай Петрович, женат, ряд., 7 марта или 30 мая 1915 г.
8. Македонский Иван Иванович, женат, стрел., 30 сентября или 14 октября 1914 г.
9. Мартынов Василий Николаевич, женат, ряд., 12 декабря 1914 г.
10. Николаев Иосиф Трифонович, женат, ратн., 24 августа 1914 г.
11. Раков Дмитрий Павлович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
12. Русев Григорий Исаевич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
13. Смоков Иван Дмитриевич, женат (?), грен., 24 августа 1914 г.
14. Стефанов Иосиф Иванович, женат, мл. у.-о., 24 августа 1914 г.
15. Терзиев Иван Степанович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
16. Чебан Иван Лазаревич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.

Попавшие в плен (9 чел.):

1. Бичев Владимир Васильевич, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
2. Бичев Иван Михайлович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
3. Желев Иван Дмитриевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.
4. Кинев Павел Степанович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.

5. Киров Михаил Степанович, женат, ряд., 7 марта или 30 мая 1915 г.
6. Рашков Николай Георгиевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.
7. Рашков Иван Георгиевич, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
8. Русев Дмитрий Иванович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
9. Смоков Петр Дементьевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.

В списках по Бессарабской губернии обнаружен только один убитый из Шикирли-Китайской волости – ефрейтор Жалуба Никита Иванович. Он погиб 25 августа 1914 г. Судя по фамилии, он не был коренным жителем села.

Впрочем, надо иметь в виду, что в списки без вести пропавших военнослужащих довольно часто попадали павшие на полях сражений.

Бросается в глаза, что почти все названные шикирлийцы были женаты. Вероятно, потому, что многие болгары традиционно обзаводились семьями еще до 20 лет. Не случайно на фотографиях тех лет солдаты запечатлены вместе с женами и маленькими детьми. Большинство из них рядовые. Офицерское звание имели только двое: старший унтер-офицер М.М. Смоков и младший унтер-офицер И.И. Стефанов.

Выявляются и дни, оказавшиеся для шикирлийцев «черными»:

- 11–12 октября 1914 г., когда было ранено 8 односельчан;
- 24 февраля и 7 марта 1915 г., когда в плен попали 8 или 9 солдат;
- 30 мая 1915 г., когда без вести пропали 6 или 7 чел.

Поскольку все даты относятся к 1914–1915 гг., очевидно, что приведенные сведения не полны. Самые поздние события помечены 30 мая 1915 г. Война шла только 10 месяцев, поэтому можно предположить, что к концу 1917 г. (еще за 31 месяц) число пострадавших должно было возрасти как минимум до 200 чел. В таком случае число погибших могло составить до нескольких десятков человек. Именно таковы печальные итоги по другим болгарским селам края. В Ново-Ивановке, например, **не вернулись с фронта 45 чел.: 16 из них были убиты, 12 – умерли от ран, 17 – пропали без вести.** В Тараклии на войне погибли 52 жителя. В Твардице число не вернувшихся с полей сражений еще выше – около 150 бойцов, а до 170 сельчан вернулись домой ранеными и изувеченными (Поглубко, Забунов 1980: 62; Думиника, Червенков 2013: 145). Подсчитано, что за годы Первой мировой войны в России погибло и умерло от ран 1,8 млн чел., или 11 % из 15,8 млн мобилизованных в армию. В данный момент остается признать: вопрос о прямых потерях жителей Шикирли-Китая в той войне требует дальнейшего изучения.

Между тем уже через полгода после начала боевых действий военно-политическое положение России складывалось не лучшим

образом. «Великое отступление» на Западном фронте, которое иногда преподносят как стратегический маневр «с целью выиграть время, необходимое для наращивания военной промышленности, подготовки и пополнения резервов», представлялось его участникам не иначе как катастрофа. Спустя несколько лет полную отчаяния обстановку вспоминал генерал А.И. Деникин: «Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...» (Деникин 2002: 30–31). Именно в этом безумии получили ранения, попали в плен и пропали без вести (часто значит – погибли) большинство названных здесь «нижних чинов» – шкирлийцев.

Осенью 1915 г. в войну на стороне Германии и Тройственного союза вступила Болгария. По этой причине потомки бывших задунайских переселенцев рисковали перейти в категорию неблагонадежных граждан империи. В ряде случаев дело дошло до арестов. Кроме того, неудачи на фронте только усиливали шпиономанию в тылу, особенно расположенном у границы с пока нейтральной Румынией, занимавшей выжидательную позицию и не всегда проявлявшей дружелюбие к России. Испугавшись возможных притеснений, бывшие колонии документально решениями общин усиленно подчеркивали свою лояльность, в точности исполняя требования власти (Чаплыгина 2007: 81). Однако эти действия сопровождались усилением недовольства в среде рядовых жителей, подогреваемым вестями с фронта.

Конечно, в первую очередь эти перемены ощутило мирное население территориально близких к фронту западных губерний. Резко ухудшилось материальное положение подавляющей массы сельчан. Поскольку сотни мужчин находились в армии, тяжелые полевые работы в основном приходилось выполнять их женам, подрастающим сыновьям да старикам-родителям. Хотя семейные предания повествуют, что некоторые солдаты правдами и неправдами умудрялись во время сева и уборки возвращаться домой, это не меняло общей ситуации. Хозяйства уходили из мужских рук – упала урожайность зерновых, в запущенном состоянии пребывали многие сады и виноградники.

Из месяца в месяц увеличивалось количество семей, лишившихся кормильцев, и росло число вдов, нередко остававшихся с маленькими детьми на руках. При этом в стране обесценивались деньги и непрерывно дорожали товары, без которых трудно было обойтись даже в самодостаточном болгарском быту: соль, сахар, мыло. Под нависавшей угрозой полного разорения беднякам, чтобы спасти свои семьи, оставалось только отдать за бесценнок последние десятины и

идти в батраки, труд которых дешевел... В 1915 г. в отчете налогового инспектора большие недоимки по Шикирли-Китаю объяснены именно «тяжелым положением населения». Имеются сведения, что в 1916 г., чтобы заплатить долги, 39 семей арендаторов вынуждены были распродавать домашнее имущество (Дихан, Касьян 1969: 461). В двери домов все настойчивее стучался голод.

Так, в результате воздействия целого ряда факторов отношение к царскому режиму в целом и его верным слугам в лице местной администрации только ухудшалось. Подобные настроения распространялись в широких слоях населения всей империи, вновь охваченной огнем и дымом революционной агитации. Война, несомненно, все больше приближала царскую Россию к грани взрыва всеобщего негодования.

Усилившиеся после военных неудач 1915 г. проявления социального протеста шикирлийцев были направлены прежде всего против произвола и злоупотреблений местной власти. Кроме того, в них включились солдаты и их семьи, действия которых носили все более резкий характер. Первым удары сельских бунтовщиков принимал все тот же примар Д.М. Калоянов (в некоторых документах - Калаянов. - *Н.Р.*) Уже 22 января 1916 г. на имя губернатора поступило письмо от К.К. Маламена, который сообщал о преступных действиях урядника Георгия Пенкова, посылающего людей на рытье окопов: «Сначала отправляет тех, у кого можно получить взятку, а затем сменяет их бедными, которые не могут заплатить... Деньгами делится со старостой Димитрием Калояновым». Жалобщик утверждал, что об этом знает все село, но боится «этих живодеров», поскольку «они обращаются с людьми по-зверски, грозят им тюрьмой и, таким образом, сдирают у людей последнюю шкуру». Из текста документа следует, что на предыдущие обращения по этому поводу начальство не реагировало. Жалоба завершалась словами: «Все люди плачут от их, не только Шикирли-Китай, но и все села», а также угрозой в случае бездействия подать жалобу «на высочайшее имя» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 9–9 об.). О том же из артиллерийской бригады 2-й батареи действующей армии писал и И.В. Бичев. Он призывал наказать «кровопийцев» Калоянова и Пенкова, которые не защищают, а грабят население в «настоящий трудный момент для каждого человека», пользуясь тем, что «наши жены запасных чинов, старые отцы и матери оставлены». Солдат угрожал пожаловаться даже главнокомандующему (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 10–10 об.).

Проведенные в марте дознания пристава Яновского о злоупотреблениях в Шикирли-Китае не смогли установить, брали ли Пенков и Калоянов взятки от 25 до 50 руб. Примар утверждал, что урядник сопровождает мобилизованных на станцию Траян-Вал (теперь Табаки

Болградского района) для посадки в поезда по нарядам «и не делается никакого исключения для богатых и бедных». Возвраты бывали по причине излишка людей и по медицинским показаниям, а также из-за болезни лошадей. Затем сам К.К. Маламен заявил, что жалобу «не писал и не подавал», о взятках ничего не знает. В итоге губернатор сообщил уездному исправнику, что эта жалоба как «неосновательная, оставлена без последствий» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 11–17).

По всей видимости, у начальства зрело понимание того, что оставлять в должности примара Калоянова значило довести накаленную атмосферу до предела. Поэтому в начале апреля 1916 г. Болградский непрременный земский комитет в соответствии с ранее принятым предложением доложил губернатору, что «к исполнению обязанностей примаря коммуны Шикирли-Китай может быть допущен член Совета Дмитрий Маркович Далаков» (НАРМ. Ф. 9. Д. 2290. Л. 32, 48).

Вместе с тем летом того же года на запрос из Кишинева «о степени пригодности его к означенной должности» последовал ответ, что 52-летний Д.М. Далаков часто отлучается по частным коммерческим делам из села. При этом кандидат охарактеризован как «человек чрезвычайно нервный, неуравновешенный, его это, безусловно, болезненное состояние часто приносит большие неприятности ему же... Труд с обязанностями примаря такого большого населенного пункта, как селения Шикирли-Китай, для Далакова совершенно непосилен, для общества же явно вреден» (НАРМ. Ф. 9. Д. 2290. Л. 47–47 об.).

Вскоре последовали категоричные выводы пристава. С одной стороны, «Димитрий Далаков не может быть допущен к исполнению обязанностей по непригодности его к означенной должности как человека нервного, больного, к тому же он постоянно занят коммерческими делами, по которым очень часто отлучается в Одессу и пробывает там по неделям и больше». С другой стороны, он указывал, что Калоянов «человек высокой честности, трудолюбивый и энергичный», под его руководством земские сборы взыскиваются вовремя, военные наряды исполняются аккуратно. Кроме того, «по инициативе Калоянова общество ассигновало на нужды плавучего военного лазарета 400 р. и внесло в Болградский комитет, лично он взыскал 150 р. на этот лазарет добровольных, пожертвовал и сдал по назначению». По изложенным причинам «было бы желательно для пользы службы предложить Калоянову оставаться и далее на службе примара» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 36–36 об.).

Последний всплеск общественного недовольства шикирлийским примаром произошел в 1917 г., когда после низложения императора в России была объявлена «СЛОБОДА», как тогда произносили это слово крестьяне самой разной этнической принадлежности.

13 марта шестеро солдат – жители Шикирли-Китая Константин Драганов, Петр Жечков, Василий Маджаров, Николай Лапатанов, Семен Балабан и Афанасий Бичев – подали жалобу уездному комиссару на примара. Суть дела была в том, что они уже 6 месяцев не получали продовольственного пайка, положенного семьям мобилизованных. Однако Калоянов, получив деньги для раздачи в счете пайка, в течение 20 дней их не выдал. При этом он «не считается с тем, что многие семейства голодают, подобного рода враждебные отношения примара Калоянова к семьям мобилизованных не единичны». Возмущенные жалобщики потребовали устранения «этого злого элемента», предлагая на его место Димитрия Далакова – «человека более справедливого и компетентного». Они расценивали действия примара как крайне враждебные в условиях военного времени, указывая, что «для семейств защитников родины собирают милостыни, а их паек лежит в кармане примара» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 43–43 об.).

Немедленно проведенное расследование установило, что Калоянов и писарь Гавриил Бухниев еще 2 марта уехали «по важному общественному делу» в Одессу, где задержались. Деньги, полученные для семей призванных, в войска не раздали, оставив в коммунальной кассе «сборщику податей Георгию Степанову». 14 марта «группа жен запасных» пришла в примарию, требуя выдачи пайка и угрожая семье писаря Бухниева. «Вследствие такого беспокойного поведения жен запасных» неграмотный помощник примара Трифон Минов предложил грамотному члену Коммунального совета Димитрию Далакову получить от сборщика деньги и раздать их вместе. Д.М. Далаков отказался от самоуправства, но «это обстоятельство еще хуже возбудило группу женщин». Только с приездом чиновника Земского комитета Г.Г. Григореско пакет с 13 358 руб. пособий за период с 1 декабря по 1 марта вскрыли, а 16 марта Д.М. Далаков стал их раздавать. При этом приезжий следователь докладывал, что неудовольствие и нарушения спокойствия со стороны группы женщин «вызваны не столько их нуждой, сколько агитацией партийных противников Калоянова» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 42–45).

Уже 17 марта 1917 г. уездный комиссар Болградского земского района Н.Г. Вульпе сообщил губернскому комиссару К.А. Мими, что по жалобе солдат – жителей Шикирли-Китая – возник вопрос об увольнении примара коммуны «за несвоевременную раздачу казенного продовольственного пайка». 9 апреля в Кишиневе было принято постановление об увольнении Дмитрия Калоянова со службы (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 40–41). В новых условиях возражать распоясавшимся солдатам было опасно.

События 1917 г. в Российской империи ввергли в хаос даже самые дальние уголки огромной страны. Конечно, революция в Шикирли-Китае происходила довольно своеобразно. Рассказывавшие мне о тех событиях односельчане употребляли именно это слово. Вероятно, революционными считали свои действия и организаторы беспорядков. Эти люди, которых можно было пересчитать по пальцам, громче других кричали «Слобода!» и понимали по-своему слово «революция».

Кроме примара, «революционные действия» оказались в Шикирли-Китае направленными против священника, также считавшегося «мироедом»... Первым делом они вывели из церкви В.Д. Агуру на площадь и на людях всячески издевались над седовласым 70-летним священником. Трудно ожидать, чтобы подобные факты сельского переворота нашли отражение в письменных источниках. Тем не менее некоторые архивные документы косвенно запечатлели те давние события.

Показательно, как расценил 23 августа 1917 г. такого рода события съезд бессарабского духовенства: «Гонение на священнослужителей поднимается в приходах приходящими агитаторами... Пропаганда находит себе богатую почву в худших членах приходского общества...». Реакция становилась цепной: «Успех в изгнании священника данной церкви поощряет в этом направлении прихожан соседних церквей, и движение против священников растет...» (РРРЦ 1969а: 221–223).

Можно с уверенностью сказать, что происшедшие с начала 1917 г. действия небольшой группы людей были поддержаны большинством жителей села, пожелавших участвовать в местной секуляризации. В Шикирли-Китае, как и в большинстве населенных пунктов рухнувшей империи, не нашлось достойных защитников прежних порядков и особенно прежних лидеров, включая духовных. Не случайно и прихожане, и медлившее до поры церковное руководство пошли на компромисс, пожертвовав В.Д. Агурой, служившим прихожанам Шикирли-Китае без малого полвека.

Главной причиной негодования крестьян явился земельный вопрос, остро стоявший и в болгарской среде. Показательно, что в сделки с землей (иногда достаточно сомнительные) была втянута и располагавшая немалыми богатствами семья священника. Поскольку помещиков в болгарских селах не было, гнев выплеснулся против церкви – малоимущие крестьяне разделили земли прихода. Развитие торгово-денежных отношений в условиях Первой мировой войны со всей остротой поставило нравственный вопрос о допустимой сфере деятельности священнослужителей. Небезуспешное стремление части духовенства к капитализации своего хозяйства вызвало недовольство прихожан.

Февральская революция способствовала переходу крестьян к активным действиям. Идеи экспроприации, распространявшиеся летом и осенью 1917 г. специально направленными в Шикирли-Китай агитаторами, в том числе большевиками, находили среди бедноты решительную поддержку. Большую роль в сплочении односельчан сыграли вернувшиеся домой солдаты: Г.С. Балабан, Е.Г. Калоянов, П.Д. Иликчиев, М.И. Степанов, Т.И. Лапатан (Дихан, Касьян 1969: 461).

Представители духовенства юга Бессарабии с ужасом сообщали архиепископу: «Возвращающиеся с фронта заражены, к прискорбью, духом недоверия, сомнения, отрицания и недоверия к пастырям». Пропаганда ими «разного рода тлетворных учений, очевидно, дала плоды... Вообще прихожане стали неузнаваемы. Под влиянием врагов церкви озверели, гонят священнослужителей, издеваются...» (РРРЦ 1969в: 226).

Действительно, к концу 1917 г. русской армии фактически не существовало. Сотни офицеров были убиты или доведены до самоубийства революционизированными солдатами, тысячи – изгнаны из частей. Начальник штаба Ставки подводил печальный итог: «Оставшиеся части пришли в такое состояние, что боевого значения уже иметь не могут и постепенно расползаются в тыл в разных направлениях» (Волков 2004).

В ходе войны изменялось социально-экономическое положение шикирлийцев, а равно и населения Буджака. Существенные сдвиги происходили в умонастроении людей. В селе у дунайской границы Российской империи, кроме «революционных солдат», имелись воины, верные царю и Отечеству, награжденные за храбрость и мужество на фронте. Правда, в обстановке всеобщей подозрительности шикирлийцы не всегда воспринимали награды как свидетельства их боевого героизма. Недоброжелатели твердили, что некоторые кресты и медали являются присвоенными... К сожалению, мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть документально какую-либо из этих версий.

Достоверно известно, что вернувшиеся с войны солдаты в ноябре (или несколько позже) организовали в Шикирли-Китае Совет крестьянских депутатов из 16 человек во главе с К.В. Драгановым. По его решению прежде арендованные помещиком 600 дес. государственной земли были распределены среди безземельных и малоземельных крестьян (Дихан, Касьян 1969: 461). Трудно сказать, каким видели будущее села шикирлийские революционеры и их попутчики, но вряд ли их головы посещали мысли, что в ближайшие считанные недели Бессарабия окажется во власти едва ли не полностью раздавленной войной соседней Румынии. Впрочем, судя по

свидетельствам современника, даже когда это произошло, в причинах и следствиях случившегося в Болграде и Измаиле не могли разобраться люди, гораздо более образованные и осведомленные, чем взбудораженные гигантскими потрясениями жители придунайского села Шикирли-Китай (Думиника 2016: 256–266).

* * *

Работы, подобные настоящей статье, в наше время принято относить к микроисторическим исследованиям. С этим можно согласиться, учитывая не только изучение одного населенного пункта, но и состояние источников. Поскольку в данном случае изучаются не отдельно взятые персонажи, а складывавшиеся между ними общественные связи, выделение типичного позволяет сквозь частное проявление рассмотреть более общую картину. Эффективность и целесообразность такой смены масштабов объясняются объективными процессами действительности – «при создании социальных форм и отношений "микро-" порождает "макро-", а не наоборот». Поэтому создание микроисторий можно считать одним из важных направлений в дальнейшем развитии исторической науки (Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003: 20).

ЛИТЕРАТУРА

Волков 2004 – *Волков С.В.* Забытая война. 2004. URL: swolcov.org/publ/27/htm (дата обращения: 12.07.2015).

Деникин 2002 - *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Минск, 2002. Т. 1.

Дихан, Касьян 1969 - *Дихан М.Д., Касьян Я.Г.* Суворове // *Исторія міст і сел Української РСР.* В 26 т. Одеська область. Київ, 1969. С. 459–466.

Думиника 2016 - *Думиника И.* Неизвестни пътни бележки на един български офицер в Бесарабия през 1918 г. // *Relații moldo-bulgare: istorie și cultură.* Chișinău, 2016. С. 240–266.

Думиника, Червенков 2014 - *Думиника И.И., Червенков Н.Н.* 2014. Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар // *Русин.* 2014. № 3 (37). С. 142–151.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734.

ПМВ 2014 - Первая Мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов. URL: svrt.ru/1914/bessar/1914-bessar (дата обращения: 15.08.2014).

Поглубко, Забунов 1980 - Поглубко К., Забунов И. Обновленная Твардица. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1980.

РРРЦ 1969а - *Реакционная роль религии и церкви*. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. № 185.

РРРЦ 1969в – *Реакционная роль религии и церкви*. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. № 188.

Чаплыгина 2007 - *Чаплыгина Н.А.* Отражение турецкого десанта на юге Бессарабии в Первой мировой войне // *Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare*. Chișinău, 2007. С. 77–89.

Червенков, Думиника 2013 - *Червенков Н., Думиника И.* Тараклии – 200 лет. Т. I (1813–1940). Chișinău, 2013.

Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003 - *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // *Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории*. СПб., 2003. С. 7–26.

REFERENCES

Volkov, S.V. (2004) *Zabytaya voyna* [The Forgotten War]. [Online]. Available from: <http://swolkov.org/publ/27.htm> (Accessed: 12th July 2015).

Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian turmoil]. Vol. 1. Minsk: Harvest.

Dikhan, M.D. & Kasyan, Ya.G. (1969) Suvorove [Suvorove]. In: Tronko, P. (ed.) *Istoriya mist i sel Ukraïns'koi RSR. V 26 t.* [The History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR]. Vol. 16. Kii'v: Home Edition URE AN UkrSSR. pp. 459-466.

Duminika, I.I. (2016) Neizvestni p'ntni belezhki na edin b'lgarski ofitser v Besarabiya prez 1918 g. [Unknown travel notes of a Bulgarian officer in Bessarabia in 1918]. In: Duminika I.I., Chervenkov N.N. (eds) *Relații moldo-bulgare: istorie și cultură* [Moldovan-Bulgarian relations: History and Culture]. Chișinău: S.Ș.B. pp. 240-266.

Duminika, I.I. & Chervenkov, N.N. (2014) WWI in the destiny of the Bessarabian Bulgarians. *Rusin*. 3(37). pp. 142-151 (In Russian).

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 9. List 1. File 2290.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 9. List 1. File 4734.

Bloodlines Revival Traditions Union. (2014) *Pervaya Mirovaya voyna, 1914–1918 gg. Alfavitnye spiski poter' nizhnikh chinov* [WWI, 1914–1918. The alphabetical lists of losses among lower ranks]. [Online]. Available from: <http://svrt.ru/1914/1914-1.htm> (Accessed: 15th August 2014).

Poglubko, K. & Zabunov, I. (1980) *Obnovlennaya Tvarditsa* [The Renewed Tvarditsa]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Moldova. (1969a) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the church. Archival documents on the activities of clergymen in Moldavia]. Vol. 185. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Moldova. (1969b) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the church. Archival documents on the activities of clergymen in Moldavia]. Vol. 188. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Chaplygina, N.A. (2007) Otrazhenie turetskogo desanta na yuge Bessarabii v Pervoy mirovoy voyne [The repulsion of Turkish troops in the south of Bessarabia in WWI]. In: Chervenkov, N.N. (ed.) *Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare* [Moldovan-Bulgarian relations: Problems of Research]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 77-89.

Chervenkov N.N. & Duminika, I.I. (2013) *Taraklii – 200 let* [200 years to Taraclia]. Vol. 1. Chişinău: Cu drag.

Shlyumbom, Yu., Krom, M. & Zokoll, T. (2003) Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe [The micro-history: Big questions on a small scale]. In: Krom, M.M. (ed.) *Proshloe – krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* [The close-up of the past: The current research on micro-history]. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg; Aleteyya. pp. 7-26.

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

Russev Nikolai – G. Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru